

АЛЕКСАНДР АНОСОВ
Родился в 1988 году. Автор
нескольких поэтических
сборников. Публико-
вался на сайтах Poluntona
и «45-я параллель», а также
в журнале «Север» (г. Петро-
заводск). Живет в Москве.

* * *

Каракуль вьется мелким бесом,
Луна заходит за ТЦ.
Мне никуда теперь не деться,
Пока улыбка на лице.

И ты, и я, и мы во власти
Ее, но это не впервой.
Наутро ночь раскроет пасть и
Отпустит пленников домой.

Меня, тебя и месов белких
В каршерингах и МЦК.
Одни – игравшие в гляделки,
Другие точно в дурака.

И что там вьется перед нами?
Так постепенно из ночи
Мы в белый день перерастаем
По завитку каракульчи.

* * *

Умять пирог и чаю выпить литр,
Смотреть в закат на розовые дали,
Не думать ни о чем, закрыть калитку.

Пусть дачный домик никакой не замок.
А помнишь, мы такого ожидали –
Несбыча мечт как баг и сбой программы.

Занять себя не книгой со стихами,
А делом – что-то выкопать, ошкурить.
Другие, я смотрю, всюю копают.

Клочок земли ждет выпаденья яблок.
Нам август строит рожи, брови хмурит
И хнычет, как расхристанный ноябрь.

* * *

Ни облачка, ни яблочка, побеги
Твоих цветов
И подоконник бел.
Мне кажется, что я
Стою в аптеке
И почему-то
Покупаю мел.

Ни воду, ни презервативы,
Ни новый паспорт,
Ни цветов иным.
А известняк,
Чтобы писать
«прости меня»
И «я здесь был».

И если кто-нибудь
Однажды прочитает
Мои послания
И не пошлет меня,
То не потонет
Наш с тобой «Титаник»,
С катушек не слетит Земля...

Как я слетал
И часто больно падал,
В аптеку ноги сами привели:
Мне мела, мыла, льна и адвоката,
Чтоб защищал от пыли и от тли,
От светофоров долгих и печальных
От гущи встреч, от боли, ото льда.
И подоконник – те еще скрижали.
Я больше не приду сюда.

ЕЛОЧКА-96

Растираю иголки еловые
В руках до трухи. Аромат
Слышится, и все *новые*
Годы мои летят
Перед глазами медленно.
Елочка, ну-ка, гори!
В ее огоньках растерянных
Столько земной любви.
Сколько уже не вынесет
Сердце теперь мое.
Мама и папа были здесь –
Молодости водоем.
Стол раскладной, салатов сто,
Метели степной вальсок.
Мне любопытно подарят что.
Под елкой лежит мешок.
И нет, совсем даже не пустой –
В нем настоящий я.
Год за окном девяносто шестой,
Первое января...

* * *

В этой большой реке
Легкость моя погибла
Бесславно и налегке.
Нет у нее могилы.
В этой воде и *ты*
Из двух десятков разных.
В ней все мои мечты –
Находки для водолазов.

Камнем на шее дни –
Ноша своя не тянет.
В реку я ту ни-ни,
Разве что пить горстями
Воду ее, как мед,
Сказочный и забытый...
Мимо, смотрю, плывет
Разбитое корыто.

Легкости не видать.
Сгинула прочь беглянка.
Никак не течет вспять
Река, и на обманку
В ней ничего не поймать.

* * *

«Последние дни, когда Тониночка болела, я ему все время говорила: “Тонино, я тебя любила всю свою жизнь, даже тогда, когда тебя не знала”. Он повернулся ко мне и сказал: “А я тебя и теперь люблю”. Я закричала: “И я, и я!” Тогда он добавил: “И потом тоже”».

Лора Гуэрра

Я хочу выучить шорский,
Чтоб говорить на нем только с тобой.
Ты тоже со временем его выучишь,
А все вокруг будут думать, что мы сошли с ума.
Иначе на кой черт нам шорский?
А вот! Наш собственный язык,
Практически неизвестный,
Во всяком случае в Москве.
«Мен сага кӧленчам», – ты будешь шептать мне наяву и в часто
повторяющемся сне.
А я буду отвечать: «Я тоже, я тоже».
По-русски.
Потому что шорский я никогда не выучу.